

Секция «Востоковедение, африканистика»

К вопросу о формировании национально-государственной идентичности тибетцев и уйгуров КНР

Люлина Анастасия Геннадьевна

Аспирант

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук,

Подольск, Россия

E-mail: alyulina88@gmail.com

К вопросу о формировании национально-государственной идентичности тибетцев и уйгуров КНР.

Процесс национально-государственного строительства поставил перед руководством КНР множество сложных проблем, до сих пор не решенных. Об этом свидетельствует череда национальных конфликтов и вспышек сепаратизма в Тибете и Синьцзяне, а также недвусмысленная позиция международной общественности по вопросу китайской национальной политики.

Среди факторов формирования национально-государственного самосознания тибетцев и уйгуров КНР можно отметить исторические связи Тибета и Восточного Туркестана с Китаем, культурную, религиозную идентичность народов, национальную политику КНР по консолидации народов СУАР и ТАР в составе "единой китайской нации" (*чжунхуа миньцзу*).

Цель данной работы – обратиться к истокам проблемы в контексте культурно-религиозного аспекта строительства национально-государственной идентичности народов СУАР и ТАР КНР. Мы будем ориентироваться на титульные нации автономных районов – тибетцев, исповедующих буддизм, и мусульман - уйгуров, принимая во внимание также исламские кавказскую, киргизскую ирреденты СУАР. В данном контексте «национально-государственная идентичность» - это осознание и позиционирование себя народами двух регионов в рамках Китайской Народной Республики, в рамках китайского национального универсума.

Традиционная конфуцианская концепция Срединного государства подразумевала постепенное превращение «варваров», данников, находящихся на окраинах империи, в китайцев посредством ассимиляции и благотворного влияния китайской культуры [5]. Следует отметить, что данная концепция была лишена этнического компонента, то есть название государства «Китай» не менялось, когда к власти приходили «иноземные», варварские династии. К таким периодам в истории Китая относятся два наиболее продолжительных – правление монгольской династии Юань (1279 – 1368 гг.) и маньчжурской династии Цин (1644 – 1911гг.). Если китайская династия Мин (1368 – 1644 гг.) проводила политику ликвидации иноземного влияния и ассимиляции «варваров», то «иноземные династии» Юань и Цин проводили противоположную политику [2].

Так, Цинская империя заботилась не о китаизации Тибета и Синьцзяна (а также Монголии), а о сохранении их самобытности, прежде всего в религиозной и культурной сферах. Причина – маньчжуры видели в них возможную опору в случае восстания китайцев, которых они всегда отделяли от других национальностей Китая [2]. Во время

Опиумных войн (1940-1941гг., 1956-1960 гг.) в целях объединения Китая и противостояния иностранной интервенции возникла идея объединения пяти народностей (маньчжуры, тибетцы, ханьцы, мусульмане и монголы). Впоследствии в руках китайских националистов эта идея трансформировалась и утвердилась в качестве идеологемы «великой китайской нации» (*чжунхуа миньцзу*) [6].

Народы современных СУАР и ТАР склонны к сепаратистским тенденциям, они никогда не признавали себя частью единой китайской семьи. Тибетцы и уйгуры считают китайскую концепцию лишь инструментом давления и выступают против такого объединения [1].

Стечение многих обстоятельств – китайская политика военного подчинения районов, активное сопротивление национальных меньшинств и геополитическая обстановка – привело к включению этих районов в состав КНР. Сепаратистские настроения СУАР и ТАР сейчас являются камнем преткновения во внутренней и внешней политике Китая, решение подобных проблем центральное правительство видит в программе формирования национально-государственной идентичности СУАР и ТАР КНР. Задача осложняется столкновением различных мировоззрений, религий и культурных ценностей тибетцев и уйгуров с одной стороны, ханьцев – с другой стороны [4]. Большое влияние оказывает противоречивость самой концепции нациестроительства Китая: провозглашалось сохранение культуры и языков, религиозной специфики нацменьшинств, но среди основных методов формирования единой нации фигурировала такая, как унификация – языковая и культурная [9].

Китайские исследователи, проживающих за границей, обращаются к данной проблематике: Ван Пэнлин (Wang Pengling) [11], Инцзе Го (Yingjie Guo) [12], Чжун Вэйгуан (Zhong Weiguang) [14], Ма Жун (Rong Ma) [10]. Их взгляды находят более свободное выражение в зарубежной периодике и показывают, как выглядит китайский национальный вопрос «со стороны». Каждый из них предлагает свою формулу реализации национального сплочения, консолидации китайской нации, каждый имеет свое отношение к китайскому национализму и к вопросу защиты прав нацменьшинств.

Позиция официальных лиц органов власти указанных регионов недвусмысленна: приоритет отдается экономическому (а не культурному) развитию и борьбе с этническим сепаратизмом. Они почти не обращаются к вопросу национального самосознания меньшинств, их религиозным особенностям [15]. Между тем, ислам в буддийском Китае имеет большой вес, несмотря на то, что его исповедует национальное меньшинство (*шаошу миньцзу*). Основная причина повышенного внимания китайского правительства к населению СУАР и другим мусульманским меньшинствам (монголы) – поддержка со стороны исламских стран Ближнего Востока, а также существование религиозно-политических организаций типа «Исламское движение Восточный Туркестан». Политика в отношении мусульманских меньшинств обязывает Китай к определенной позиции по отношению к мусульманским странам Африки, Среднего Востока и Юго-Восточной Азии [3].

Тибетцы не имеют столь сильной и влиятельной поддержки. Далай-лама, проживающий в Индии, обращается с мирными призывами к Китаю и международной ответственности, но они разбиваются о прочный каркас китайской идеологии [9]. Более того, национальное самосознание тибетцев, в отличие от мусульман, лишено воинственного, радикального аспекта сопротивления.

Есть ряд причин, по которым сепаратистские тенденции не выходят за пределы контроля. Это экономическое развитие, финансовая поддержка центрального правительства, социальная политика, нацеленная на рост уровня образования, здравоохранения [16]. Несмотря на недовольство уйгуров и тибетцев переселением ханьцев из центрального региона в Тибет и Синьцзян, противодействие языковой и культурной унификации, стоит отметить, что китайская ассимиляция – процесс не насильственный, обусловленный экономическими факторами. В отношении религий национальных меньшинств КПК, за исключением периода «Культурной революции» (1966–1976 гг.), проводит в целом лояльную политику [16]. Принцип свободы религий в КНР прост и понятен – «религиозные меньшинства пользуются свободой вероисповедания только в том случае, если они говорят голосом национального большинства и разделяют общее бремя, цели, мечту» [8, Macinnis D.E. 1973]. Борьба китайского правительства против «3-х зол» – сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма – экстренная мера, направленная на пресечение новых беспорядков [7].

Формирование национально-государственной идентичности уйгуров и тибетцев КНР – долгий и сложный процесс. Успех национальной политики Китая в проблемных районах СУАР и ТАР зависит от комплексного анализа существующих проблем и понимания культурной и религиозной специфики национальных меньшинств.

Литература

1. Гарри И. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете. Улан-Удэ., 2009.
2. Дмитриев С.В., Кузьмин С. Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике// Восток (Oriens). М., 2012. № 3. Сс. 5-19.
3. Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М.: ИДВ РАН, 2002.
4. Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. – М., 2005.
5. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: Исследования и переводы. М., 2005; The History of the Former Han Dynasty of Pan Ku / Tr. by H. Dubs. Vol. 1–5. Baltimore, 1938–1955.
6. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985.
7. Barry Sautman. Tibet: Myths and Reality// Current history. – Philadelphia, 2001. Vol. 100, № 647.
8. Macinnis D.E. Religious Policy and Practice in Communist China/ The China Quarterly by Holmes Welch. Cambridge University Press. 1973, No. 54, Apr. - Jun. Pp. 376-380.
9. Tsetan Dolkar. Sino-Tibetan Relations 1990-2000: the Internationalism of the Tibetan Issue. – Dharamsala, 2008.

10. Rong Ma. Ethnic Relations in China. China Tibetology Publishing House, 2008.
11. Wang Pengling. Zhongguo minzuzhuyi de yuanliu – jianlun cong geming de minzuzhuyi zhuanxiang jianshe de minzuzhuyi. MCS, 1997. Issue 2. (Source of Chinese nationalism: on the transformation from revolutionary nationalism to constructive nationalism/ Modern China Studies): <http://www.modernchinastudies.org/us/issues/past-issues/57-mcs-1997-issue-2/402-2011-12-29-17-45-11.html>
12. Yingjie Guo. Cultural Nationalism in Contemporary China. – NY., 2012.
13. Zhang Zexian. Jiutangshu / Zhongguo lishi. Beijing/Shanghai, 1992. Vol. 1. (Old Tang History/China History).
14. Zhong Weiguang. Cong Xizang shijian kan dangdai Zhongguo de jiquan zongzhi, 17.10.2008 (Tibetan Issue in Contemporary totalitarian China):<http://yangren.blog.epochtimes.com/article/show?articleid=4254>
15. <http://news.xinhuanet.com> (агентство Синьхуа)
16. <http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/> (Белые книги по развитию ТАР и СУАР)

Слова благодарности

Благодарю своего научного руководителя, Китинова Баатра Учаевича, за помощь и поддержку в исследовании вопроса.

Иллюстрации



Рис. 1: Административное устройство КНР

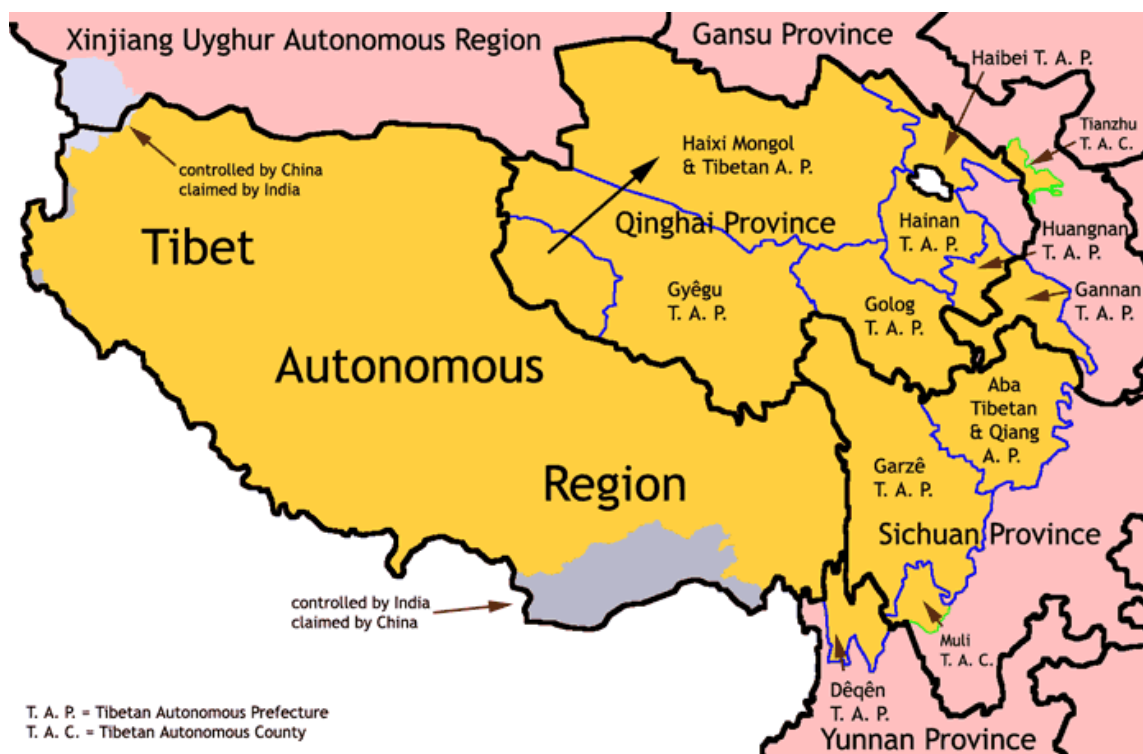


Рис. 2: Тибетский автономный район

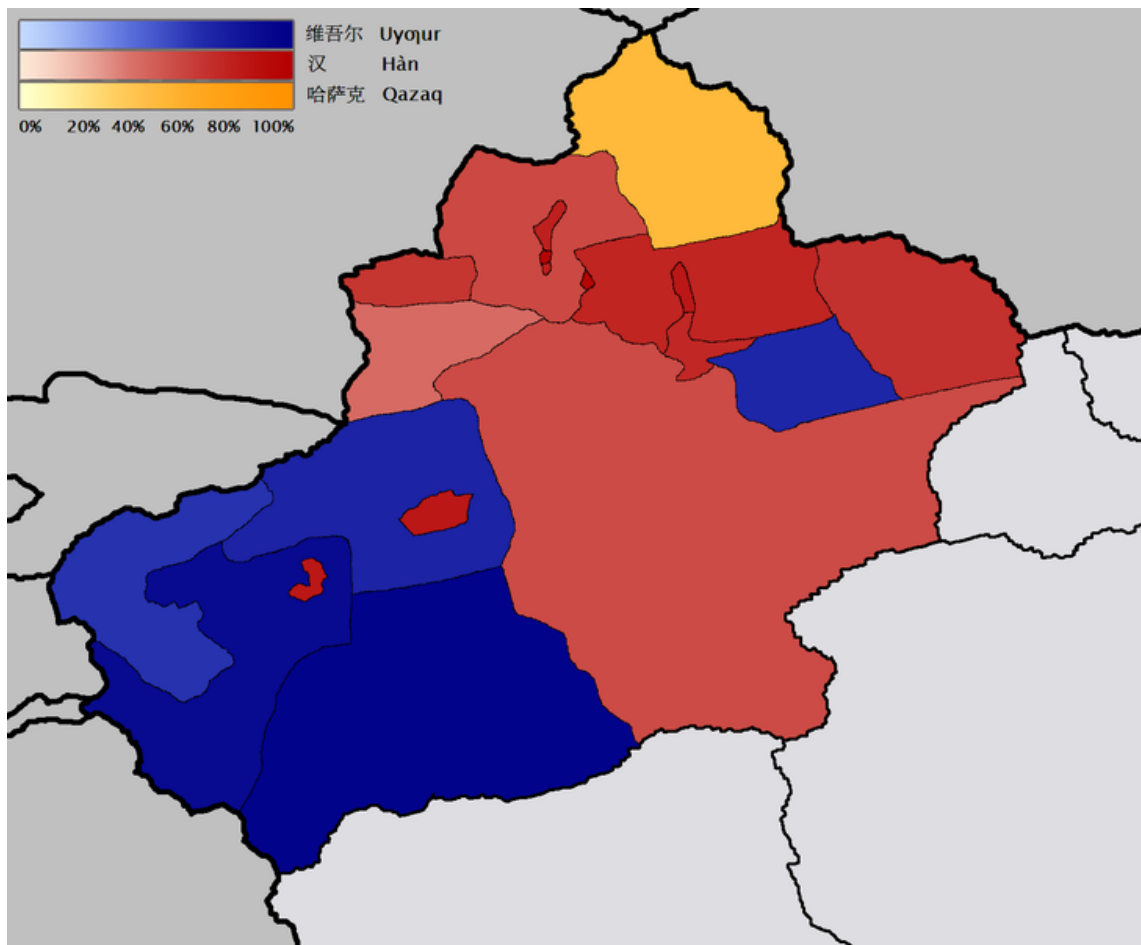


Рис. 3: процентное соотношение национальностей СУАР